

Ходжиакбар ШАЙХОВ

ПЛАМЯ

Повесть

Перевод с узбекского ВАЛЕРИЯ НЕЧИПОРЕНКО

(с) Издательство "Молодая гвардия", 1985 г.

I

Саидбеков терпеливо ждал, когда же Мардонов закончит чтение. А тот перечитывал сводку второй или даже третий раз.

Наконец он поднял голову от стола и недоуменно посмотрел на шефа:

— Это невероятно!

Саидбеков взял пластинку из его рук, положил в ячейку накопителя.

— К сожалению, это невероятное событие подтверждается фактами.

— Употребление наркотиков? В наше время?

— Ты правильно понял то, что прочитал.

— Но... в таком случае... надо немедленно принимать меры. Вернуть этих людей на Землю.

Саидбеков нахмурился.

— Все не так просто. Психолог базы беседовал с ними — и ничего... Отправить-то недолго... А в чем причина недуга? Когда он начался? Где, наконец, они достают наркотики? И главное — поможет ли отправка на Землю их выздоровлению?

Он замолчал, выразительно глядя на Мардонова.

Тот кивнул:

— Я понял. Когда вылетать?

— Сегодня вечером по экспресс-каналу. И вот что... — он помассировал переносицу, — не стоит пока акцентировать внимание на том, что ты сотрудник Института социальных проблем. На Верге скоро начинается смена вахт... Ты ведь знаком немного с работой кси-оператора?

— Два года спецподготовки в Ленинградском университете, — улыбнулся Мардонов.

— Ну, вот и прекрасно. Отправишься на Вергу кси-оператором.

— Пойду собираться, — поднялся с кресла Мардонов.

— Желаю счастливой посадки. А перед отлетом советую заглянуть в Геологический центр. И вот что еще... Если почувствуешь, что сам не справишься, не упрямясь, дай знать... Дело слишком серьезное.

II

О Верге Эркин Мардонов не знал практически ничего и поэтому первым делом решил восполнить этот пробел.

Оказалось, что Верга — небольшая, ничем не примечательная планета. Жизнь на ней существует в зачаточной форме. Атмосфера разреженная, воды мало. Несколько лет назад в

одном из горных районов планеты были обнаружены богатые залежи трансураниевых руд. Сразу же началось освоение планеты. Прежде всего грузовые и транспортные ракеты доставили на Вергу несколько тысяч самосовершенствующихся автоматов, которые построили установки по обогащению атмосферы кислородом, а также наладили синтез воды. Кислород и водород для этих целей выделялся из горных пород. Одновременно автоматы приступили к строительству шахт по добыче столь необходимых земной промышленности руд.

Были также построены жилые здания, технические и культурные центры для землян, которые начали прибывать на Вергу.

Последние двенадцать лет все работы по добыче руды на Верге производились по запрограммированному циклу. Строительство шахт закончено. Весь производственный процесс — от дробления горных пород до погрузки контейнеров с чистым металлом в грузовые ракеты — осуществляют кибернетические устройства и автоматы. Люди лишь контролируют их.

Сейчас на Верге около двухсот шахт и тысяча двести землян.

Ландшафт Верги суров: остроконечные оранжевые скалы, местами покрытые серым лишайником, огромные черные валуны, пронизанные светлыми прожилками. Земные растения так и не прижились на почве Верги. Грунт для теплиц возят сюда с Земли.

В свое время психологи рекомендовали ограничить пребывание каждого человека на Верге одним годом. До сих пор правило это соблюдается неукоснительно.

Трансураниевый мост Верга — Плутон работает без перебоев.

Эркин раскрыл атлас звездного неба Верги. Вот она, маленькая пылинка в бесконечном космосе. Планета-труженица. Одна из сотен, работающих на Человека. Почему же именно Верга преподнесла людям такой опасный подарок?

Снова вспомнился недавний разговор с Саидбековым. ...Все началось с того, что сотрудники 17-й шахты вдруг перестали посещать культурный центр, хотя прежде бывали здесь часто, тем более что центр всего в получасе полета от шахты. Добровольный отказ от общения вещь более чем странная, тем более для такого малочисленного коллектива.

Психолог базы отправился на шахту, чтобы разобраться в причинах неурядиц, попытаться устранить их с помощью самих же сотрудников. Вернулся он с шахты потрясенный, утверждая, что застал там людей в состоянии наркотического опьянения, хотя никаких наркотических веществ на шахте быть не могло.

Попытки установить истину ни к чему не привели. Сотрудники шахты отрицали показания психолога, а свое «отшельничество» объясняли усталостью. Ведь истекал срок их пребывания на Верге...

Странными выглядели эти объяснения... Верга попросила помощи у Земли.

В Геологическом центре Эркин познакомился с некоторыми данными о сотрудниках 17-й шахты. Там работало пять человек.

Хаят. С объемной фотографии смотрел широколицый черноволосый человек со строгими глазами. Родился в Ташкенте, 35 лет, профессия — геофизик. Два года провел на Уране, год на Миррихе. Сдержан, рассудителен, немногословен. Увлекается ботаникой. Что же заставило его употреблять наркотики?

Юлия. Двадцатитрехлетняя женщина. Большие синие глаза, строгий взгляд. Но по характеру общительна. Любит оказывать покровительство. Много читает, особенно начинающих поэтов. Наверняка и сама пишет стихи. Должность — диспетчер зоны С.

Эркин уже отложил фотографию Юлии в сторону, но что-то заставило его снова взять ее в руки. Красивая женщина... Это всегда опасно... особенно в немногочисленном обществе мужчин...

На следующей фотографии — смуглый мужчина с нервным худощавым лицом. Это врач

шахты Фархад. Изобрел несколько медицинских аппаратов. Возраст тридцать лет.

А вот два брата — Педро и Хосе. Геологи. Педро увлекается живописью. Хосе изучает старинные испанские танцы.

Эркин отложил в сторону последнюю фотографию, задумался. Симпатичная, славная пятерка. Что же с ней стряслось?

III

Первой он увидел Юлию. Девушка сидела за пультом управления диспетчерского пункта спиной к входу. Услышав шаги, обернулась.

На ней был костюм, светлый и легкий. Светлый костюм и такие же светлые пушистые волосы эффектно оттеняли бронзовое от загара лицо, на котором выделялись ярко-синие глаза. Да, у природы тоже есть свои любимчики, для которых она не жалеет красок.

Эркин поздоровался.

— Добрый день, — ответила девушка.

— Эркин.

— Юлия. Вы с Земли?

— Да.

— Неужели на подмену?

— Как сказать... Скорее на помощь.

— Вот как! Выходит, кому-то крупно повезло. На какую шахту у вас направление?

— На вашу.

— На нашу?!

Эркину показалось, что в ее глазах промелькнула растерянность.

— Да, на вашу. У вас ведь нет кси-оператора.

— Но... нам не нужен кси-оператор. Автоматы работают исправно.

— Сегодня — да. А вы можете поручиться, что завтра с ними ничего не случится?

— Да-да, конечно... Я что-то не то говорю. Но у нас есть кси-оператор — Фархад.

— Но Фархад, как мне сказали, врач шахты.

— У него хватает времени на все.

Эркин недоуменно развел руками:

— А я думал, вы обрадуетесь новому человеку... Что же мне теперь делать?

Юлия вдруг легко поднялась с кресла, подошла к нему едва не вплотную и прошептала, хотя в диспетчерской никого, кроме них, не было:

— Если у вас есть возможность, уезжайте немедленно. Если такой возможности нет, найдите ее. Уезжайте, чтобы потом ни о чем не жалеть.

Эркин внимательно посмотрел в ее синие глаза.

— Юлия... Я бы не хотел быть помехой для кого-то... Может, вы все же объясните, почему я должен уехать?

Она молчала.

— Не хотите говорить?

Она продолжала молчать.

— Ну, тогда... Тогда я остаюсь. Попрошу вас дать роботам команду построить для меня коттедж. Тип и место, если вас не затруднит, выберите сами. Тут я полностью полагаюсь на ваш вкус. Надеюсь, мы еще сегодня увидимся? А сейчас я пойду представлюсь сотрудникам. До свидания.

— До свидания, — опять прошептала она, глядя куда-то мимо Эркина.

Выходя из диспетчерской, он на секунду задержался у прозрачной стены. Перед ним тянулись складки невысоких гор, причудливые скалы, каменистые хребты. Все было ярко-желтого, почти оранжевого цвета, как горящие в костре поленья. Рубиновые тучи ползли по ярко-красному небу. И нигде ни травинки, ни птицы...

Он обернулся. Юлия уже сидела за пультом, работая на клавишах.

Эркин вздохнул и вышел из диспетчерской.

IV

С минуту он постоял на открытой галерее. Отсюда отлично просматривалась вся территория шахты. Жилой городок размещался рядом с высокой башней диспетчерского управления. Эркин увидел несколько одноэтажных белых домиков, спортивный зал с бассейном, столовую. Небольшая, но густая рощица бросала тень на ярко-красные крыши коттеджей. Эркин понял, что деревья рощицы искусственные. На околице крохотного поселка копошились три робота: робот-кран и роботы-рабочие. Они поднимали пластиковые стены, укладывали синтетические балки. Эркин догадался, что роботы уже получили команду и строят жилище для него.

А вокруг поднимались невысокие, но скалистые, труднопроходимые горы. Рубиновые тучи рассеялись, жаркие лучи падали почти отвесно на скалы, и казалось, те вот-вот вспыхнут, как сухие дрова.

Одна из скал, крутая, конусообразная, была стесана. В образовавшейся отвесной стене было пробито отверстие, закрытое сейчас толстой бронированной плитой. Собственно, это и была шахта. Там, в недрах ярко-желтых скал, тысячи совершенных автоматов грызли породу, дробили руду, извлекали из нее металл, штамповали прямоугольные бруски, запечатывали их в контейнеры и отправляли на грузовую станцию, а из пустой породы выделяли кислород и водород...

По узенькой дорожке, посыпанной ярко-желтым песком, Эркин подошел к ближайшему коттеджу и позвонил.

Дверь открылась. Он шагнул в помещение.

В длинной прохладной комнате царил, что называется, живописный беспорядок: стол задвинут в дальний угол, диван чуть ли не загораживает дверь; всюду книги, кассеты, пленки, а главное — картины, картины, картины. Десятка три картин. И почти на каждой — Юлия. Юлия перед диспетчерской. Юлия перед домом, Юлия на диване с книгой в руках. Юлия за рулем вездехода, Юлия в бассейне, Юлия на праздничном карнавале.

Эркин не сразу заметил среди этих картин хозяина дома, широкоплечего мужчину, которого можно было бы назвать красивым, если бы не чересчур длинный, крючковатый нос.

Мужчина сделал от стены шаг к Эркину, протянул широкую ладонь:

— Ого! Я вижу, у нас гости! Проходите! День добрый!

— Здравствуйте. Вот зашел к вам познакомиться... Эркин.

— Педро. Очень, очень приятно? Вы с базы?

— Как вам сказать... У меня направление на вашу шахту. Я — новый кси-оператор.

Педро расхохотался, всплеснув руками:

— Кси-оператор! Да что они там, с ума посходили, что ли?

— То есть? — недоуменно проговорил Эркин.

Педро крякнул:

— Знаете, мне, право, неловко так разговаривать. Предлагаю перейти на «ты». Согласны?

— Идет!

— Ну, по рукам!

Педро похлопал Эркина по плечу тяжелой рукой:

— Эркин, дружище, пойми меня правильно. Я ужасно рад, что на шахте появился новый человек. Это всегда интересно. Но это одна сторона дела. А вот другая: мы здесь загружены работой максимум три-четыре часа в сутки. Этого мало, дьявольски мало. А с твоим приходом доля труда каждого из нас соответственно уменьшается. Какой же ты реакции от нас ждешь? Только, чур, без обиды! Ты, разумеется, ни при чем.

— Не знаю, как насчет остальных, — ответил Эркин, — но тебе, похоже, скучать не приходится. Эти картины...

— Картины?! — перебил его Педро. — Где ты видишь картины?

— Но разве это...

— Это самая обыкновенная мазня. Об этом тебе скажет любой, кто сумеет отличить палитру от кисти.

— Ты преувеличиваешь, Педро.

— Я преувеличиваю? Нет, дружище, тысячу раз нет! Преувеличивал я в те времена, когда мнил о себе как о художнике. А вот здесь, на Верге, я наконец осознал одну печальную истину: картинка я рисовать еще могу, а картины — нет!

— Но ведь она похожа!

— Похожа? — рассмеялся Педро. — Похожа?! Вот так критерий для художника! Нет, приятель! Это похожесть фотографии. А внутренний мир? То, что в состоянии передать только творец?

Он быстро зашагал взад-вперед по комнате.

— Юля — мой идеал, мой пробный камень. Когда я впервые увидел ее год назад, я сказал себе: «Педро! Если тебе суждено быть художником, то ты напишешь эту женщину, напишешь так, чтобы она жила на холсте». Это было год назад, и тогда я еще верил, что могу быть художником.

Тем временем Эркин заметил среди картин, изображающих Юлию, два небольших пейзажа. Машинально он взял один из них в руки. Пейзаж был написан в темно-красных тонах. Багровые облака, освещенные скалы, какое-то глубокое ущелье у их подножия...

Но рассмотреть картину как следует Эркин не успел. Стремительно подскочил Педро и выхватил полотно из рук. Теперь он выглядел раздраженным, даже злым.

— Ты что? — удивился Эркин.

— Извини... — Педро уже взял себя в руки. — Не люблю показывать незаконченные вещи.

— Но ведь пейзаж написан?

— Нет-нет, там еще много работы...

— Ладно, — кивнул головой Эркин, — в таком случае не буду тебе мешать. Пойду знакомиться с другими.

Педро как будто даже обрадовался:

— Давай, давай. В следующем доме живет Хаят. Но он сейчас в шахте. Кон-тро-ли-ру-ет! Вон там — Хосе, мой брат, а там — врач. Зайди к Хосе, пока он не ушел в горы. Только, знаешь, он у меня малый со странностями. Ты не особенно обращай на это внимание. Главное — он добряк.

— Буду иметь в виду.

Эркин опять вышел на узкую красную дорожку и подумал: «Хотел бы я знать, есть ли тут хоть один человек без странностей?»

Едва Эркин переступил порог дома Хосе, как его обдало жаром. «Пятьдесят по Цельсию», — определил Эркин. Кондиционеры выли, как голодные волки, но не могли заметно снизить температуру.

Посреди комнаты в металлическом тигле полыхало пламя, целый костер. Судя по запаху, горел сухой спирт, и, надо полагать, горел давно.

У костра, задумчиво глядя на огонь, сидел обнаженный по пояс парень с нежным девичьим лицом и мягкими выющимися волосами. Он посмотрел на Эркина как на своего старого друга и сказал, показывая рукой на языки пламени:

— Правда, это красиво?

Эркин подошел поближе.

— А тебе не жарко?

Взгляд Хосе стал осмысленнее. Он словно бы только теперь понял, что перед ним стоит незнакомец. Его красиво изогнутые брови сошлись у переносицы, в карих глазах вспыхнул гнев. Он вскочил и вскрикнул резко:

— А кто вы, собственно, такой? Что вам угодно?

Эркин заговорил как можно мягче:

— Я ваш новый кси-оператор. Зовут меня Эркином. Обижать тебя, Хосе, я и не думал. Мне и самому нравится огонь. Он и вправду красив.

Вся агрессивность Хосе тут же улетучилась. Лицо его порозовело, и он застенчиво улыбнулся и спросил:

— Вы будете со мной дружить?

— Обязательно, Хосе.

— И мы будем вместе сидеть и смотреть на огонь?

— Будем, Хосе.

— И будем вместе ходить туда?

— Конечно, Хосе, — ответил Эркин, который поостерегся спросить, «куда именно», хотя ему очень хотелось этого.

Хосе вскинул на Эркина карие глаза.

— Они думают перехитрить меня. Чтобы самим остаться, а меня отправить на Землю. Но я не хочу на Землю. Хочу быть тут... — Он тихо рассмеялся: Я перехитрю их всех, я придумал...

— Что ты придумал, Хосе?

— Скоро узнаете. Совсем скоро. А пока... — он приложил палец к губам.

У Эркина голова от жары уже шла кругом.

— Хосе, — спросил он, — кто у вас выполняет обязанности врача?

— Фархад. А что случилось?

— Ничего особенного. Просто немного нездоровится с дороги.

— Он живет в следующем доме.

— Пожалуй, я загляну к нему.

— Только обязательно возвращайтесь.

— Непременно!

Эркин вышел на улицу. У него и в самом деле раскалывалась голова.

VI

В доме Фархада не было ни чудес, ни странностей. Хозяин дома тридцатилетний худощавый брюнет — сидел за столом, разглядывая что-то в микроскоп.

Эркин представился.

Фархад поднялся, подошел к нему, пожал руку.

— Ну, как там старушка Земля? Жизнь бурлит?

— Бурлит.

— Соскучился я уже по ней. Н-да... Земля... — Вздохнув, он прошел в угол комнаты, где стоял какой-то механизм.

— Не этот ли прибор настраивает вас на минорный лад? — спросил, улыбаясь, Эркин.

Фархад погладил рукой причудливо изогнутую трубку:

— Какой там прибор! Это так, детские шалости. Аппарат для диагностирования заболеваний мышечной ткани. Так, пустяки. Разминка в часы досуга. Мое хобби. Без этого здесь нельзя. А у вас есть что-нибудь?

— В смысле хобби?

— Да.

— Разумеется. Я пишу детективы.

— Дадите почитать?

— Охотно. Если у вас хватит терпения.

— Даю гарантию, что с таким хобби вы через три месяца загнетесь здесь от скуки.

— Странно, — произнес Эркин, глядя Фархаду прямо в глаза. — Вы уже второй человек на шахте, который пугает меня скукой. Первым был Педро. Второй — вы. Но самое странное заключается в том, что скукой меня пугают люди увлеченные. В чем дело?

— Все очень просто. Дело есть дело, увлечение есть увлечение. На первом месте должно быть дело, а увлечение — на втором. А что получается у нас? Шахта полностью автоматизирована, быт наш налажен, особых забот нет. Четыре часа в день у каждого отнимает дежурство. Спим мы по пять часов в сутки. Куда прикажете девать остальное время? Посвящать его увлечениям? Такую бездну времени?

— Когда-то люди мечтали о бездне свободного времени.

— Человеку свойственно корректировать свои мечты.

Эркин не успел ответить.

Распахнулась дверь. На пороге стоял перепуганный Хосе:

— Там пожар... Дом горит... Вы понимаете? Горит дом! Пожар!

VII

Горел домик Хаята. Пожар возник, по-видимому, внутри помещения, огонь успел разгореться, и, когда наконец вырвался наружу, гасить его было уже поздно. Пластиковые стены и балки трещали, как сухие березовые дрова. Дом не представлял большой ценности, такой дом роботы собирают за два часа из унифицированных деталей, а запасов этих деталей на шахте было достаточно.

И все же люди были поражены происшедшим. Эркин взглянул мельком на Хосе. Юноша с жадностью, широко раскрытыми глазами смотрел на огонь, так же как он смотрел на костер в своей комнате полчаса назад. Он любовался огнем, наслаждался вспышками пламени, жил одной жизнью с пляшущими языками.

Педро, прикусив губу, сумрачно тряс головой, Юлия прижала руки к пунцовым щекам.

Вдруг, вскрикнув, Фархад бросился к горящему дому. Никто не успел опомниться, как он вбежал внутрь.

— Фархад! Фархад! — закричала девушка. Тут же она обернулась к остальным: — Что он делает! Что он делает! Он погибнет! Ну помогите же, помогите ему!

Словно услышав ее крик, Фархад показался на пороге. В руках он держал какой-то

прозрачный шар. Рубашка на нем тлела, волосы на висках обгорели, но он наверняка успел бы покинуть дом, если бы не споткнулся о порог. Фархад упал, и шар, выскользнув из его рук, отлетел в сторону метров на десять.

В ту же секунду прямо на Фархада рухнул дом. Облако густого дыма поползло по земле.

Первой опомнилась Юлия. С криком бросилась она к дому и скрылась в густом черном дыму. Следом поспешили и остальные.

К счастью, Фархад почти не пострадал. Товарищи отнесли его подальше от огня, посыпали песком начавшую тлеть одежду. Однако он был без сознания. Юлия гладила его испачканную копотью щеку, теребила плечо:

— Фархад! Любимый! Очнись! Я люблю тебя, слышишь?

Ее светлый костюм был перемазан сажей и пеплом, волосы растрепались. Она подняла умоляющие глаза на коллег:

— Педро, Хосе! — Отнесите его в диспетчерскую. Я вызову санитарный вертолет.

Педро принес носилки. Фархада бережно положили на них и уже собрались нести, как вдруг он громко застонал и открыл глаза.

— Стойте! Вы с ума сошли! Какой вертолет?! Я абсолютно здоров!

— Фархад! — Юлия умоляюще сложила руки на груди. — Я прошу тебя, послушайся. У тебя ведь ожоги.

— Нет у меня никаких ожогов! Пустите! Я сам... сам...

Он поднялся с носилок, прихрамывая, двинулся к своему дому. Обернулся и указал рукой на треснувший стеклянный шар:

— Поднимите Вергею.

— Вергея? — переспросил Эркин, поднимая шар.

Внутри шара, имеющего крышку в виде полусферы, он различил желто-зеленое растение с колючками, смахивающее на кактус. Через трещину из шара сыпался грунт. Эркин прикрыл трещину ладонью. — Чем она знаменита, эта Вергея?

— На Верге не существует растительности, — объяснил стоявший рядом Педро. — Вот наш Хаят и задался целью вырастить что-нибудь такое, что могло бы прижиться в почве Верги. Почти год опытов и вот, — он постучал ногтем по шару. — Что было бы с Хаятом, сгори эта штука! Ведь он нянчился с ней, как с младенцем. Молодец, Фархад, вспомнил о Вергее. — Он смутился. — А вот у меня как-то из головы выскочило...

— Вергея... — задумчиво произнес Эркин, плотно зажимая трещину. — Как же удалось Хаяту вырастить такое чудо?

— Об этом спроси у него.

— Где бы нам ее пока поставить?

— Можно у меня, — предложил Педро.

Они занесли шар в дом, и Педро быстро заплывил трещину.

Эркин внимательно посмотрел на крупинцы грунта, что остались у него в руке. Повернулся к Педро:

— Пожалуй, надо предупредить Хаята о случившемся. Пойду к нему. Заодно и с шахтой познакомлюсь.

— Что же, ступай, дружище! — согласился Педро. — И пусть Хаят возвращается. На подмену пойдет Хосе.

VIII

Дорога на шахту вела через искусственную рожицу. Эркин вошел в тень деревьев и

остановился на минуту, зачарованный лесным ароматом. На Верге появилось уже множество лесополос, рощиц, садов, но вся беда в том, что деревья, кусты, даже трава и опавшие листья были здесь искусственными. Бесплодная почва Верги решительно противилась всем начинаниям селекционеров. Предпринимались попытки облагородить местный грунт. Над этой проблемой сейчас работала большая группа ученых. Выходит, Хаяту удалось сделать то, что пока не под силу целому коллективу?

И этот пожар... Разумеется, он мог возникнуть и случайно... Однако какие глаза были у Хосе, когда он глядел на пламя! Неужели это дело его рук?

Сразу же за рощицей начиналась неглубокая ложбинка с пологими склонами, что вела вдоль горных гряд от шахты. Эркин быстро зашагал по ней, размышляя о своей миссии.

Вход в шахту закрывала мощная бронированная плита. В плите на уровне груди виднелось три небольших гнезда. Для того чтобы попасть внутрь, необходимо было ввести в эти гнезда тройник, которым оснащались специальные скафандры, предохраняющие от радиации. Комплект таких скафандров хранился в дежурной комнате, устроенной в скале, неподалеку от входа.

Быстро облачившись в скафандр, Эркин подошел к плите, включил тройник. Раздалось негромкое жужжание, плита отодвинулась в сторону. Эркин оказался в небольшом тамбуре перед массивной дверью. Снова послышалось жужжание. Задвинулась входная плита, после чего открылись двери. Пройдя таким образом несколько тамбуров, Эркин оказался наконец у входа в шахту на небольшой, огражденной высокими барьерами площадке. Куда-то вниз вел длинный эскалатор. Эркин подошел к самому ограждению и замер, пораженный: таких шахт ему еще не приходилось видеть. Его взору предстал невообразимо огромный подземный зал, обрывающийся у ног и уходящий вниз еще метров на сто. Это была гигантская выработка — пустота в сердце горных хребтов. Там, на дне этой гигантской пещеры, работали десятки совершенных автоматов резали породу, дробили, извлекали из нее металл, плавил его, обогащали, очищали, прессовали в аккуратные маленькие брикетки, запечатывали в контейнеры и отправляли на поверхность. В подобных условиях могли работать только автоматы. Люди обычно не спускались ниже галереи. Эркин встал на ленту эскалатора. Лента мягко вздрогнула и плавно покатила его вниз. Спуск продолжался долго. Наконец лента остановилась. По небольшому легкому мостику Эркин прошел на галерею, вырубленную в скале.

Потоки ровного голубоватого света довольно хорошо освещали галерею, но, как Эркин ни всматривался, Хаята нигде не было видно. Тогда он сел в электромобиль, завел его и поехал по галерее вокруг подземных разработок. Чем дальше он продвигался, тем сильнее становился шум, тем чаще сотрясались стены подземелья. От галереи местами отходили небольшие боковые тупички, и Эркин заглядывал в каждый. Так он объехал все вокруг, но Хаята не нашел.

В раздумье он остановился у барьера, глядя вниз.

Послышалось негромкое жужжание. Эркин оглянулся и увидел на эскалаторе фигуру в таком же, как у него, темно-зеленом скафандре. Вот человек приблизился, и Эркин разглядел за стеклом гермошлема черты Хаята, памятные ему по фотографии. Хаят махнул рукой, словно приглашая следовать за ним. Они прошли по галерее метров пятьдесят, затем Хаят свернул в боковой коридор. В конце ответвления оказалась просторная, уютная комната. Здесь Хаят, заперев предварительно двойные двери, снял с себя гермошлем, расстегнул скафандр. Эркин последовал его примеру. Он понял, что они находятся в комнате отдыха, защищенной мощными экранами от смертоносного излучения.

Хаят оказался невысоким, плотным крепышом с густыми, косматыми бровями, с залысинами на лбу. Выглядел он утомленным.

Эркин представился Хаяту, они обменялись несколькими вежливыми фразами. Похоже, Хаят и в самом деле был скуп на слова.

Воцарилось молчание.

— Говорят, в древности на Востоке, — заговорил Эркин, — был такой обычай — гонца, принесшего дурную весть, наказывали. Мне очень жаль, но я принес вам плохую весть.

У Хаята побелели губы, он заметно вздрогнул, пролепетал, запинаясь:

— Что случилось?

— Сгорел ваш дом. К счастью, удалось спасти Вергею, хотя она и несколько пострадала.

— Великий Космос! — облегченно вздохнул Хаят, но глаза его были по-прежнему усталыми.

Он встал, открыл холодильную камеру.

— Хотите тоника?

— С удовольствием.

Хаят залпом выпил объемистый фужер освежающего напитка, налил еще. Он был страшно взволнован. Пальцы его рук мелко дрожали.

— Вы, наверное, хотите вернуться на базу? — поинтересовался Эркин. Сейчас здесь будет Хосе.

— А? — словно очнулся от своих мыслей Хаят. — Да, да... конечно...

— Если не секрет, как вам удалось вырастить Вергею?

Хаят пожал круглыми плечами:

— Особое сочетание удобрений, освещения, периодическое воздействие различными лучами, направленное магнитное поле...

— Почему же вы не сообщите о своем успехе в центр?

— Какой там успех? Это стадии экспериментов. Об успехе говорить рано.

— А из каких семян вы вырастили свой шедевр?

— Кактус. Обыкновенный мексиканский кактус.

Раздался мелодичный звон, загорелся зеленый глазок информатора.

— Хаят, Эркин, вы на месте? — услышали они голос Хосе. — Жду вас наверху.

IX

— Эркин, — попросил Хосе, — помогите мне надеть скафандр. Ну, пожалуйста!

— Хорошо, Хосе. Хаят, я вас догоню.

Вдвоем они вошли в дежурку. Едва закрылась дверь помещения и они остались наедине, Хосе резко обернулся и схватил Эркина за руку:

— Эркин, я не поджигал дом!

Эркин отступил на шаг.

— А разве я говорю, что ты его поджег?

— Не говорите, но думаете.

— С чего ты взял?

— Я чувствую это. Конечно, мне нравится огонь, я люблю смотреть на языки пламени... Когда я смотрю на него, у меня столько разных мыслей... Но поджечь дом я не мог! Не мог! Вы понимаете или нет?!

— Успокойся, Хосе, успокойся. Я верю тебе.

На лице юноши вновь появилась мягкая виноватая улыбка.

— Вы мне верите? Правда? Вы не думали, что это я устроил пожар?

— Я верю тебе, Хосе, — еще раз повторил Эркин, — если хочешь, я провожу Хаята, а потом

приду сюда к тебе?

— Это было бы прекрасно!

— Решено. Так и сделаем.

— И мы будем говорить, ходить вместе!

— Да. А потом...

Хосе вздрогнул.

— Потом ты поведешь меня туда...

— Да, — чуть слышно прошептал Хосе.

— Жди, я скоро приду. — Эркин вышел из дежурки.

По ложбинке они с Хаятом направились в сторону жилья.

— Хороший парень Хосе, — заговорил Хаят, — но несколько странный. Любит одиночество. Может присесть в домике один целые сутки.

— А разве с братом он не дружит?

— Как сказать... Педро все время старается его опекать. А Хосе очень болезненно воспринимает всякую опеку.

Они шли вдоль гряды ярко-оранжевых скал, и Хаят рассказывал космонавты сразу же договорились, когда появились здесь, что ходить на шахту будут обязательно пешком. Путь на шахту и обратно стал у них своеобразным ритуалом. Когда живешь в крохотном поселочке на далекой планете, то находишь в подобных ритуалах особую прелесть.

— Хотел вас спросить еще об одной вещи, — Эркин взглянул на Хаята.

— Спрашивайте.

— Обещаете ответить откровенно?

— По мере возможности, — натянуто улыбнулся тот.

— Зачем вы придумали Вергею?

— Чтобы хоть чем-то украсить ландшафт, — Хаят показал на выжженную долину, гряды красных скал.

— Нет, я не о том, — сказал Эркин.

— О чем же? — тихо проговорил Хаят.

— Вы прекрасно понимаете меня. Ваша Вергея — самый обыкновенный кактус. И растет он вовсе не в местном грунте, а в привезенном с Земли. Лишь сверху чуть подсыпана почва Верги.

Хаят как-то съежился, втянул голову в плечи. Некоторое время они шли по ложбинке молча.

— Вы не хотите отвечать?

— Когда я прибыл сюда, — медленно заговорил Хаят, — я мечтал вырастить Вергею. Да, мечтал... Были и опыты, и знакомство с новыми биологическими теориями. Но у меня ничего не получилось... И тогда я отчаялся...

— И решили солгать остальным?

— Да, — покраснел Хаят и искоса взглянул на Эркина. — Никто не любит признавать себя неудачником. Нам скоро улетать... Если это и ложь, то ложь невинная...

— А то, что из-за вашей выдумки едва не погиб человек?

— Это было бы ужасно... ужасно...

— А знаете, что следует из всего этого?

Хаят не отвечал.

— Что именно вы могли поджечь дом.

— Я?! — вскричал тот. — Но зачем?!

— Чтобы сжечь Вергею и избежать тем самым разоблачения.

— Но... я ведь дежурил. Был на шахте...

— На шахте вас не было. Вы спустились туда позже, буквально перед нашей встречей. Где

вы были?

— Во всяком случае, не в городке.

— А где?

Последовала долгая пауза, после которой Хаят произнес:

— Ходил в горы...

Они были уже у рощицы.

— Эркин! — Хаят неловко тронул спутника за рукав. — Можно вас попросить... Не надо...

никому... про Вергею.

Эркин нахмурился:

— Обещаю. Но вы сказали мне не все...

Х

Первым делом Эркин зашел в диспетчерскую. Юлия по-прежнему была здесь. Она уже переделалась в темно-синий костюм, лицо ее было строгим и печальным.

Эркин пристально посмотрел на девушку, но та спокойно выдержала его взгляд. Сейчас ничто в ней не напоминало ни об утреннем волнении, ни о той энергии, с которой она вытаскивала из огня Фархада.

— Юлия, — спросил Эркин, — что вы думаете о пожаре?

— Думаю — это случай очень неприятный для нашей шахты.

— Нет, я не о том. Почему возник пожар?

Она пожала плечами:

— Понятия не имею.

— Но ведь дом не мог загореться сам по себе?

— Разумеется.

— Вы не думаете, что кто-нибудь мог поджечь...

Юлия от души рассмеялась, показывая ровные белые зубы.

— Нет, не думаю.

Эркин помолчал минуту-другую и наконец решил:

— Юлия, можно задать вам нескромный вопрос?

Во взгляде ее отразилось любопытство.

— Педро с завидным упорством рисует ваши портреты. Почему?

Юлия задумалась.

— Как вам объяснить... Интерес Педро ко мне — это интерес художника к своей модели. Он видит во мне то ли мадонну, то ли ярко выраженный тип современницы — и вот делает пробы. Картины еще нет. Все, что вы видели в его комнате, — это эскизы, наброски.

— Но он сам неодобрительно отзывается о качестве своих работ.

— Это всего лишь рисовка. Не заблуждайтесь на этот счет. Педро необыкновенно самолюбив. Если хотите нажить себе врага, скажите что-нибудь ироническое по поводу его увлечения.

— Спасибо за предупреждение.

— У него есть талант. Вы видели его пейзажи Верги?

— Мельком.

— Посмотрите обязательно.

— Я рискую показаться назойливым, но все-таки разрешите еще один вопрос?

— Пожалуйста. Вы новичок, а для новичка естественно задавать вопросы.

— Что вы имели в виду утром?

— Утром?

— Да, утром, когда советовали как можно скорее уезжать с шахты.

Она улыбнулась спокойной и грустной улыбкой.

— Видите ли... Здесь подобрался не очень-то дружный коллектив. Каждый в отдельности — интересная личность, а вот коллектив не сложился. Педро может целые сутки проводить за мольбертом, Хаят нянчится с Вергеей, Хосе любит огонь. Каждый сам по себе. Вы понимаете?

— Вы хотите сказать, что у вас нет общих интересов?

— Да. Основная работа — добыча — полностью автоматизирована и не отнимает у нас ни времени, ни сил. Каждый предоставлен сам себе. Вы бы у нас очень быстро заскучали.

— Но ведь вы можете летать в Культурный Центр?

— Часто летать в Центр — довольно утомительное занятие. К тому же учтите, что большую часть времени мы все-таки проводим здесь.

— Значит, вы заботились о том, чтобы я не заскучал?

— Вы напрасно шутите. Несовместимость характеров зачастую приводит к тяжелым психическим травмам.

— Вероятно, вы правы. Ну, хорошо, Юлия, не буду вас больше беспокоить. У вас есть информатор?

— Есть. Правда, не очень хороший, третьего класса. Но вы можете включиться в сеть базы. Там информатор высшего класса.

— Отлично! Так и сделаем.

Он прошел в комнату связи.

Настроив приборы на нужную волну, Эркин вызвал базу и попросил соединить его с информатором.

Тотчас же послышался щелчок, и металлический голос заверещал:

— Информатор «Верга» вас слушает.

— Вот что, приятель! Подскажи мне, будь добр, что говорит медицина о склонности человека к длительному созерцанию огня. Я понятно выразился?

— Я понял, — отчеканил информатор, — отвечу через десять секунд.

Не успел Эркин поудобнее устроиться в кресле, как вновь раздался голос информатора:

— Психическое заболевание... Влечение... Расстройство... Влечение это стремление к удовлетворению потребностей... Возникает на базе безусловных рефлексов... В патологии влечений выделяют импульсивные влечения — внезапно возникающие, непреодолимые, всецело овладевающие рассудком. Среди них различают: дромоманию, клептоманию, пироманию...

— Стоп! Давай о пиромании.

— Пиромания... периодически наступающее непреодолимое влечение к поджогам... которые не носят умышленного... злонамеренного характера...

— Ясно. Теперь расскажи, дружок, мне поподробнее, как возникает пиромания.

Последовала пауза, и тут в наступившей внезапно тишине Эркин явственно услышал чье-то дыхание. За дверью стояли. Он встал... Тотчас же послышались быстрые удаляющиеся шаги. Он выглянул в зал. Юлия уже стояла у окна, глядя на горы. Больше в зале никого не было.

Он вернулся к информатору.

XI

Фархад лежал на диване в своей комнате. На ногах — повязка, на щеке квадратики

пластыря.

— Как ваше самочувствие? — наклонился к нему Эркин.

— Жаловаться не на что. — Фархад поднялся и сел на диване. Несколько царапин, легкие ожоги. Мне сделали втирание и электромассаж, так что скоро все заживет.

— Ну, отлично. — Эркин с минуту помолчал, затем произнес, глядя испытующе на пострадавшего: — Честно говоря, вы меня сегодня здорово перепугали.

Фархад улыбнулся:

— Да я и сам перепугался не на шутку, когда вспомнил, что в горящем доме осталась Вергея. Что было бы с Хаятом, если бы растение сгорело?

— А что было бы с Хаятом, если бы сгорели вы?

— Ну, я в огне не горю, — вновь улыбнулся Фархад.

— Скажите, а вы случайно не задавались вопросом, отчего загорелся дом?

— Представьте, только об этом и думаю.

— И к какому же выводу пришли?

Фархад пристально посмотрел на Эркина и спросил:

— А почему это вас так интересует?

— По-моему, это интересует каждого, кто был здесь во время пожара.

— Но вы первый и единственный, кто задал мне подобный вопрос.

— Не только вам.

— Ну, и как же вам отвечали другие?

— Весьма неопределенно.

— Да, — протянул Фархад. — Боюсь, что и я не внесу особой ясности. Скажу лишь одно: если кто-то решил, что дом поджег Хосе, то это явная чепуха.

— Согласен с вами. Несмотря на наличие у Хосе признаков пиромании...

— Пиромании? С чего вы решили, что у него пиромания? Вы медик? Вы осведомлены об этой болезни? — Фархад так и забросал Эркина вопросами.

— Я не медик, но... разве это не так?

— Пиромания, как правило, врожденный недуг. А вы спросите у тех, кто знал Хосе до Верги, тянуло ли его когда-нибудь к огню?

— Значит, эта страсть у него появилась только здесь?

— Да.

— Сразу же после прилета?

— Н-не помню...

— И эта страсть появилась только у него? У него одного?

— Как вы уже успели, видимо, заметить — да.

— И вас это не удивляет? Вы не ищите причины недуга? Ведь вы врач.

Фархад улыбнулся. Разговаривая с Эркином, он почему-то все время едва заметно улыбался, словно бы ему были известны все тайны шахты номер семнадцать.

— Эркин, вы горячитесь совершенно напрасно. Вот вы сказали, что пишете детективы, так?

— Допустим.

— Почему вы их пишете? Ведь вы не писатель? Что же, мне лечить вас? Точно так же и Хосе. Чем его занятие хуже вашего? Вы развиваете воображение, а Хосе нашел возможность сосредоточиваться. Разве это в принципе не одно и то же? Почему же тогда свое занятие вы считаете нормальным, а увлечение Хосе — недугом? С такими взглядами можно далеко зайти.

— Ну, доктор, это вы уже хватили через край!

Фархад рассмеялся:

— Но ведь и вы хватили через край, решив, что Хосе поджег дом. А между тем это не так.

Хосе — безобиднейший из всех известных мне людей. Что из того, что натура у него увлекающаяся и непостоянная? Вчера он горел желанием проникнуть в мир старинного танца, сегодня он изучает историю, а завтра займется геологией. Я считаю, увлечение игрой пламени — очередная его причуда.

— Значит, Хосе здесь ни при чем?

— Абсолютно.

— Тогда что же случилось с домом?

В ответ Фархад только пожал плечами:

— Кто знает!

Эркин собирался было еще кое о чем спросить, но Фархад поднес руку ко лбу, потер переносицу.

— Эркин, вы меня простите, но за минуту до вашего прихода я принял снотворное, и оно, кажется, начало уже действовать. Так и клонит ко сну. Разговор у нас с вами интересный, но, боюсь, поддерживать его я уже не в силах. Приходите через три-четыре часа. Я буду к вашим услугам. — С этими словами он лег на диван и закрыл глаза.

ХП

По уже знакомой ложбинке Эркин подошел к шахте. Хосе давно с нетерпением ждал его.

— Как хорошо, что вы пришли! — торопливо стаскивая с себя скафандр, повторял Хосе. — Пойдем?

— А далеко нужно идти?

— Не очень. Только перебраться через хребет.

— А шахту оставим без присмотра?

— Ничего с ней не сделается. Идемте.

Хосе повел Эркина по ложбинке к жилому городку. Однако метров через сто остановился.

— Следуйте за мной. Я буду идти первым, показывать дорогу.

Только что наступила светлая вергийская ночь. Лохматые красные тучи плавали в небе, как огромные светильники. Их отблеск ложился на оранжевые скалы. Горные зубцы хорошо вырисовывались на фоне светлого неба, но тень от скал была густой, скрадывающей предметы.

Видимо, Хосе хорошо знал дорогу, так как свободно ориентировался, оказавшись в тени. В этом месте в сплошной стене скал виднелась небольшая расщелина. Скалы здесь были высотой метров двадцать. По расщелине можно было взобраться на их вершину.

Хосе уверенно перепрыгивал с камня на камень. Эркин не отставал. Он успел заметить, что в некоторых местах в скале вырублены ступеньки. Видимо, этим путем пользовались довольно часто.

Подъем был крутым, но сравнительно безопасным.

Минут через десять они поднялись на вершину гряды.

Грунт под ногами казался темно-рубиновым, как гаснущие угли костра.

Отсюда, с двадцатиметровой высоты, хорошо были видны огни коттеджей. А за площадкой, на которой стояли сейчас космонавты, тянулась целая горная страна, молчаливая, глухая, темная. Скалы стояли там не сплошной стеной, а были словно насажены друг на друга. Их острые пики, светлые и высокие, походили на густой сосновый лес. Основание же скал утопало в непроглядной тени.

Хосе тронул Эркина за рукав:

— Пойдемте. Уже недалеко. — Он направился в сторону острых пиков.

Ровная площадка кончилась. Начался крутой спуск. Здесь, в скале, тоже кое-где были

вырублены ступеньки, так что спуск не представлял особого труда. Так они спустились метров на пятнадцать и теперь находились в кромешной темноте, в тени горных зубцов. Невозможно было рассмотреть даже собственные руки. Тем не менее Хосе довольно уверенно двинулся вперед. Путь пролегал по узкой извилистой расщелине, что тянулась куда-то в глубь гор.

Вдруг стало светлее, хотя они по-прежнему находились в глубокой расщелине в тени скал.

На одной из скал слабо мерцало светлое пятно.

Подошли ближе, и Эркин увидел, что светлое пятно — это вход в пещеру.

Перед самым входом Хосе остановился.

— Это здесь, — почему-то шепотом сказал он Эркину.

Также шепотом Эркин спросил:

— А другие сюда ходят?

— Да. Но никто не любит об этом говорить.

Он нагнулся, ибо вход в пещеру был невысок, и шагнул внутрь. Эркин послушно последовал за ним. Сердце его стучало гулко и учащенно. Кажется, он приближался к разгадке тайны 17-й шахты.

Поначалу путники шли по неширокому тоннелю. Эркин пристально присматривался к его стенам. Но сомнений быть не могло — пещера явно естественного происхождения.

Постепенно тоннель расширился, и космонавты оказались в просторном высоком зале. Здесь было значительно светлее. По-прежнему Эркин не мог понять, откуда льется этот приятный неяркий свет. На стенах зала блестели капли какой-то жидкости. Пол был усыпан мелкими острыми камнями. Кое-где лежали крупные валуны.

Один из углов зала был ниже других. От этого угла тянулся вниз небольшой коридорчик. К нему Хосе и подвел Эркина.

Кажется, свечение исходило именно отсюда. И точно — дальняя стена коридорчика светилась рубиновым огнем. Огонь светил неровно, то становился сильнее, то ослабевал. Временами как бы волны пробегали по этим вспышкам.

Хосе опустился и присел на небольшой камень, с жадностью всматриваясь в свечение. Эркин последовал его примеру.

Так просидел он некоторое время, внимательно глядя на оранжево-красные сполохи. Вдруг он почувствовал, что ему интересно и даже приятно смотреть на эти перебегающие сверху вниз волны. Огонь не грел, но какая-то сладкая расслабленность, истома разливалась в груди от одного его вида. Ни разу в жизни Эркин не ощущал такого необычайно радостного состояния души. Все его прочие чувства притуплялись. Он забыл, что находится в пещере, что вокруг камни и замерзшие капли странной жидкости, что над ним острые пики скал, забыл, ради чего он прибыл на Вергу, забыл, что рядом находится Хосе. Он видел только переливающееся перед ним свечение и хотел видеть только его. Удовольствие, которое он испытывал, нарастало. Как он мог жить, не зная об этом чуде?! Разве можно сравнить его состояние с чем-то иным?! Он трепетал от наслаждения, покачиваясь в такт какому-то неслышному мотиву. О, как глупа и пуста была его жизнь до сих пор! Какие никчемные заботы терзали его! Какими мелкими радостями утешался он! Нет! Больше этого не будет! Он познал наконец смысл бытия. Он будет приходить сюда и наслаждаться игрой пламени, которое так пленительно обжигает нервы! Он раскачивался все сильнее. Сердце билось как сумасшедшее. Он был согласен умереть здесь, рядом с волшебным пламенем, лишь бы не прерывать невыразимого блаженства.

И все-таки он очнулся и пополз назад, пополз на четвереньках, медленно, то и дело останавливаясь.

Так, пятясь, выбрался из пещеры. И здесь силы оставили его. Он откинулся на спину и потерял сознание.

ХІІІ

Когда Эркин пришел в себя, по-прежнему была ночь. Он посмотрел на часы и даже не поверил — прошло всего сорок минут. Неужели так медленно тянулось время?

— Хосе! — позвал он. — Хосе!

Рядом послышался стон.

Эркин метнулся в ту сторону.

Хосе лежал у входа за большим валуном. Глаза юноши были закрыты, он мучительно стонал.

— Хосе! Что с тобой? Хосе! — Эркин расстегнул юноше рубашку, сделал массаж.

Через несколько минут Хосе открыл глаза.

— Сейчас пройдет. Это уже не в первый раз. Я только немного полежу, и все пройдет.

Эркин сел рядом на плоский камень. Голова раскалывалась, все тело ныло, словно ему пришлось скатиться с одного из этих острых пиков.

«Что же это?» — задал себе вопрос Эркин. Вероятно, свечение в пещере обладает способностью испускать особые волны, действующие на психику человека, равно как и на его сознание. Вот он, наркотик Верги. Эркин отыскал его, и довольно быстро.

Наверняка физики разгадают тайну свечения. Во всяком случае, можно сказать уже теперь, что пироманию оно не вызывает. У Эркина ни во время пребывания в пещере, ни сейчас не возникло желания что-либо поджигать.

Тяжело дыша, Хосе поднялся и сел рядом с Эркином.

— Раньше я мог сюда ходить по три раза за ночь, а теперь еле-еле выдерживаю один. Сердце...

— Свечение бывает только ночью? — спросил Эркин.

— Нет. Постоянно.

— А почему ты ходишь сюда только ночью?

Хосе усмехнулся:

— Потому что ходить сюда считается неприличным, недостойным человека. Все так говорят, а сами ходят. Ну а ночью незаметно. Не разберешь, кто зашел в пещеру.

— А почему ты не побоялся сказать о пещере мне?

— Потому что вы — друг. Я сразу понял, когда увидел вас, что вы будете мне другом.

— Разве у тебя не было здесь друзей?

Хосе покачал головой:

— Все поучали меня, обращались как с маленьким. Нет, у меня не было друга.

— А на базе?

— На базе я давно уже не бываю.

— Но у тебя ведь есть брат.

— Да, Педро. Но ему не до меня. Он занят своими картинами. А когда у него что-нибудь не получается, то к нему лучше не подходить. — Тут Хосе ласково посмотрел на Эркина. Ласково и вместе с тем заискивающе: — Вам понравилось там?

Эркин положил руку на плечо юноши:

— На этот вопрос я тебе отвечу позже, хорошо? А ты мне лучше скажи, голова после этого долго болит?

— После первого раза не очень. Часа два.

— А после десятого? У тебя, например, сегодня сколько это продлится?

— Наверное, до обеда, — нахмурился Хосе.

— И тебе становится легче, когда ты смотришь на огонь? — догадался Эркин.

— Да, тогда боль почти незаметна. Я сижу, смотрю на огонь и вспоминаю пещеру.

Они поднялись и медленно пошли по расщелине.

— Юлия тоже бывает здесь? — спросил Эркин.

— Наверное.

Эркин грустно улыбнулся. Невесело было сейчас на душе у него. Человеческое общество давно уже обладало здоровьем и физическим и душевным. Казалось, что навсегда. Но вот выяснилось, что пять человек с 17-й шахты, пять в общем-то неплохих людей не смогли ничего противопоставить искушению. Зная, что вслед за несколькими минутами эйфории неизбежно наступает длительная тяжелая реакция, они продолжали посещать пещеру. Почему?

В чем причина подобного слабоволия?

Эркин задумался. ...Первые полеты в космос приравнивались к подвигу. От космонавтов требовалась не только теоретическая подготовка, знания, опыт, но и значительная физическая выносливость. Первые корабли были несовершенны. Космонавты зачастую попадали в критические ситуации, где все зависело от их умственных и физических способностей. Первые космонавты готовились к полету многие годы.

Потом корабли стали совершеннее, но превратилось в традицию предъявлять самые жесткие требования к человеку, отправляющемуся в космос.

Тщательно отбирался и готовился каждый космонавт, будь то пилот, штурман, астроном, геолог или физик. Этот принцип отбора оставался неизменным в течение долгого времени.

Но вот наконец человек в буквальном смысле слова шагнул к звездам, вышел за пределы солнечной системы. Звездолеты, анабиозные камеры, а затем экспресс-каналы устранили все барьеры на пути тех, кто рвался в космос. И сам космос потребовал специалистов и исследователей сотен профессий — от археологов до строителей. Полеты в космос стали обычным явлением, на десятках планет создавались лаборатории и космические станции, геологи буравили инопланетные недра, металлурги и горняки строили шахты, росли предприятия, промышленные комплексы, налаживались транспортные артерии. Но земляне сразу же столкнулись с проблемой, которую им пришлось решать безотлагательно. Выяснилось, что и производительность, и успехи, и настроение, и душевное здоровье людей, вынужденных находиться длительное время на далекой планете, во многом зависят от их характеров.

Несколько позже был четко сформулирован принцип Комплекса, и в дальнейшем и большие экипажи, и сравнительно маленькие группы исследователей формировались в строгом соответствии с ним.

Прошло еще несколько десятилетий. Космос стал для землян родным домом — не найти, пожалуй, человека, который бы не провел три-четыре года своей жизни в открытом пространстве. Звездолеты и машины были доведены до совершенства, все, что поддается автоматизации, автоматизировано. Те загадки, что ставит перед нами природа, мы рано или поздно решаем. Мы поверили в свое могущество. Мы, люди, и в самом деле стали могущественными. Но каких бы успехов ни достигло человечество, люди не стали, да и не могли стать абсолютно одинаковыми. Есть свой авангард, есть, к сожалению, и люди слабовольные, мнительные, неспособные противостоять испытаниям. Прежде на пути таких людей стоял, как барьер, принцип Комплекса. Дорога в космос была для них закрыта. Это не означает, что она была закрыта для них навсегда. Они могли пройти специальный цикл обучения и в значительной степени приобрести недостающие им качества, закалить свой характер. Но вот некоторое время назад пал и этот последний барьер. Мы решили, что достигли совершенства, с которым не вяжутся никакие ограничения. По воле случая был сформирован и коллектив 17-й шахты, коллектив, не спаянный общими интересами. Потому они и не смогли

противостоять этой опасности — искушению Верги.

— Хосе, — повернулся Эркин к юноше, — а как вы открыли эту пещеру?

— Раньше мы частенько устраивали коллективные вылазки в горы. Здесь ведь очень красиво, и, кроме того, это отличная возможность для физической тренировки. И вот во время одной из таких вылазок, примерно полгода назад, случайно набрали на эту пещеру. Нас тогда было трое. Педро, Хаят и я. А когда мы выползли наконец из пещеры, то переглянулись и побрели домой, не проронив ни слова. С тех пор между собой мы никогда не говорили о пещере, но продолжали ходить сюда по ночам.

— Постой, значит, вначале Юлия и Фархад не знали о пещере?

— Нет.

— Но почему ты тогда утверждаешь, что в пещеру ходят все?

— Видимо, по нашему поведению они догадались, что в горах мы открыли нечто необычное. А потом, вероятно, в одну прекрасную ночь пошли за кем-то из нас следом. Я однажды узнал Фархада, когда он поднимался на хребет... Теперь о пещере знают все, это точно.

Они прошли несколько метров молча, потом Хосе снова заговорил:

— В этом ведь нет ничего такого, правда, Эркин?

— В чем?

— Ну, в том, что мы ходим в пещеру. Если бы не проклятая головная боль, все было бы прекрасно.

Наконец путники подошли к последнему барьеру. Предстояло взобраться на хребет, за которым лежала долина с шахтой и жилым городком.

Никогда еще Эркин так не страдал физически, как во время этого подъема. Приходилось напрягать все силы, чтобы подняться на высоту следующего выступа. Ноги были как ватные, колени подгибались, руки дрожали. Пот струился по всему телу.

Хосе тоже приходилось нелегко. Он поминутно стонал.

Трудно сказать, сколько времени занял подъем. Они отдыхали едва ли не через каждый метр.

Наконец, обессиленные, поднялись наверх и здесь опустились на грунт. Эркин достал из кармана платок, вытер мокрое лицо и шею.

— Эркин! — прошептал Хосе. — Я не хочу возвращаться на Землю. Я не могу без этого огня...

Но Эркин уже не слушал его. Он смотрел вниз. Высокое пламя полыхало над жилым городком. Горел второй дом.

Хосе в возбуждении схватил его за руку:

— Ну! Теперь вы убедились, что я не виноват?

Он, казалось, торжествовал.

— Почему ты считаешь... — повернулся было к нему Эркин и осекся.

— Эркин... что с вами, Эркин?! — испуганно спрашивал Хосе, заглядывая ему в глаза.

— Осел... — прошептал Эркин. — Какой я осел! — Он хлопнул себя ладонью по лбу и воскликнул: — Хосе! Бежим! Скорее!

Наверное, впоследствии Эркин и сам не смог бы вспомнить, как тогда спустился со скалы. По крайней мере, на следующий день он с удивлением разглядывал огромные синяки на локтях и коленях, хотя в ту ночь боли не чувствовал.

XIV

...Когда он подбежал к городку, огонь уже угасал. Сгорел домик Хосе. Груда пепла, какие-то обгоревшие конструкции — вот все, что осталось от строения. Здесь же стояли все космонавты, угрюмо глядя на затухающие языки пламени.

— Надо же... — задумчиво произнес Педро.

— Сгорел дотла, — прошептала Юлия.

— Что-то мне опять худо, — проговорил Фархад. — Пойду-ка прилягу.

Он повернулся и, чуть прихрамывая, поковылял к своему коттеджу.

— Постойте! — остановил его Эркин. — Подойдите поближе, — обратился он к остальным. — Есть серьезный разговор.

Они окружили его полукольцом. Вид у всех был хмурый.

— Я только что был в пещере, — громко сказал Эркин. — Да, я был в пещере, — еще громче и решительнее повторил он, — там, куда ходит каждый из вас. О том, почему вас тянет туда, у нас еще будет время поговорить. Сейчас у меня другой вопрос. Приближается последний день вашей вахты. И каждый из вас думает об этом: как остаться на Верге, остаться рядом с пещерой? И каждый подыскивает способ. Верно, Фархад?

Фархад посмотрел на него, пожал плечами и отвернулся.

— Может, ты знаешь, Педро? Хаят? Вы, Юлия?

Все пятеро молчали.

— Тогда я вам скажу, какой это может быть способ. По существующей инструкции работа вахты продлевается, если во время дежурства по вине персонала на объекте произошла авария. Так?

Лица космонавтов вытянулись, побледнели...

— Увидев на Верге меня, вы решили, что пересмена экипажей уже началась и что не стоит откладывать дело в долгий ящик. А чтобы отвлечь мое внимание от шахты, устроили этот спектакль с поджогами домов. Кто опровергнет мои доводы?

Фархад поднял голову.

— Все почти так и было... Только Юлия здесь ни при чем. Она и в пещере-то была единственный раз. А молчала потому, что... ну, словом... не хотела подводить нас... Надеюсь, что мы возьмем себя в руки...

Юлия всхлипнула и отвернулась.

Фархад продолжал, медленно, но твердо выговаривая каждое слово:

— Все правда. В создавшейся ситуации был действительно один выход из положения: устроить аварию на шахте и заняться устранением ее последствий.

Юлия смотрела на него округлившимися глазами.

— И вы бы пошли на это? Решились бы?

Фархад смутился, но продолжал:

— Об этом никто не знал, кроме меня и... Хаята. Впрочем, причин для тревоги нет. Ведь мы решили организовать такую аварию, которая не вызвала бы остановки технологического процесса. Такая локальная, удобная, игрушечная авария — обвал породы в запасном тоннеле, которым мы практически не пользуемся.

Он поднял глаза на Эркина и тут же опустил их.

— Одним словом... сегодня во время дежурства Хаята... мы осуществили задуманное... Запасной тоннель обрушен...

— А-а-а... — это был крик Педро, искаженный волнением. — А Хосе... Он ведь решил...

Эркин быстро посмотрел по сторонам:

— Хосе! Где Хосе?

Но... его не было.

— Мы ведь прибежали вместе.

Эркин подскочил к Педро:

— Ну, что решил Хосе? — И к Юлии: — Свяжитесь с шахтой, предупредить Хосе, чтобы он не натворил глупостей!

Юлия побежала к диспетчерской.

— Так что же решил Хосе? — наступал Эркин на Педро.

Тот стоял белый как стена. У него зуб не попадал на зуб.

— Брат надумал послать робота, чтобы тот... подрыл колонны главного эскалатора... Тогда придется провести объемные восстановительные работы... Нас бы оставили на Верге... А пользоваться можно было бы и запасным тоннелем.

— Когда он решил обрушить эскалатор?

Из диспетчерской вышла Юлия.

— Ну что? — кинулся к ней Эркин.

Она, ничего не ответив, отвернулась.

— Хосе! — закричал Педро. — Бра-ат!! — И, сорвавшись с места, помчался к шахте.

— Скорее! — крикнул Эркин и кинулся следом.

Педро он настиг уже у самой шахты. Как безумный, бросался тот на входную плиту, стуча в нее кулаками.

— Хосе! Хосе! Ты меня слышишь?

— Педро! Не дури! — Эркин вцепился ему в плечо. — Скорее надевай скафандр.

Последней в дежурку вбежала Юлия.

— Ну? — тихо спросил Эркин.

— Не отвечает.

Люди облачились в скафандры, прошли через все тамбуры. Оставалась последняя дверь, ведущая к эскалатору.

XV

Центральный эскалатор был устроен так: со дна шахты поднимались две высоченные скалы, обтесанные в свое время роботами. От тамбура до ближней скалы было около сорока метров, до дальней — чуть больше восьмидесяти. Двухпролетный эскалатор, начинавшийся от последнего тамбура, опирался на ближнюю скалу и заканчивался на дальней верхушке, которая была срезана и представляла собой круглую площадку диаметром около шести метров. От площадки под прямым углом к эскалатору был устроен легкий мостик, ведущий на галерею.

Эта конструкция была надежной и жесткой... ..Распахнулась последняя дверь.

Люди невольно замерли на месте.

Ближняя скала, на которую опирался эскалатор, уже обрушилась. Эскалатор разломился на неравные части. Переходной мостик на галерею, сделанный из более тонких конструкций и жестко связанный с эскалатором, не выдержав динамического удара, лопнул.

Сейчас земляне видели дальнюю скалу, с которой свешивались в шахту перекрученные, деформированные конструкции. А на вершине этого каменного столба стоял Хосе — маленькая человеческая фигурка на одиноком столбе посреди гигантской пустоты в сердце гор.

Здесь, внутри пещеры, можно было пользоваться радиосвязью.

— Хосе! Хосе! Ты жив! — кричал Педро. По его щекам текли слезы. Сейчас мы тебя снимем оттуда. Но как ты забрался туда?

— Я послал робота-землероя подкопать промежуточную колонну эскалатора, — сдавленным голосом ответил Хосе. — А сам пошел к запасному тоннелю, чтобы выйти через

него на поверхность. Но тоннель оказался заваленным. Я испугался и сразу уже бросился к эскалатору. Едва добежал до площадки — сооружение рухнуло.

Люди начали приходить в себя.

— Я думаю, самое правильное — расчистить запасной тоннель, — сказал Эркин. — Через него можно попасть на галерею и освободить Хосе с помощью лестницы. Смотрите, от выступа галереи до Хосе метров пятнадцать, не больше. Наши роботы — те, что в городке, — могут расчистить завал?

— Быстро — нет, — ответила Юлия.

— Тогда придется обратиться за помощью к Центру. Юлия, я вас попрошу...

— Смотрите! — воскликнул вдруг Хаят, указывая пальцем вниз.

Груда обломков — все, что осталось от первой скалы, — вдруг зашевелилась. Из-под камней выполз блестящий металлический «жук».

— Это робот-землерой... — начал было Фархад и осекся.

Но все поняли жуткий смысл сказанного.

Робот полз прямо к основанию скалы, на которой стоял Хосе.

— Его надо отключить! — крикнул Эркин.

— Это невозможно! — прошептал Фархад. — У него автономная программа, которую можно контролировать только с пульта.

Да, остановить робота или изменить направление его движения можно было только с пульта, а пульт, находящийся на галерее, отрезан от них, так же как и от Хосе, рухнувшим эскалатором и обвалом в запасном тоннеле.

«Жука» увидел и Хосе.

— Педро! — Его голос дрожал. — Педро, брат! Спаси меня.

— Хосе! Малыш! Не волнуйся! Все будет в порядке! — прохрипел в микрофон Педро.

— Надо срочно сообщить на базу! — Эркин повернулся к Юлии.

— Да что вы заладили: «база, база»! — зло проговорил Фархад. — От базы лету сорок минут, а робота осталось... — Он посмотрел вниз и замолчал.

Педро повернул к нему искаженное яростью лицо.

— Это все ты... придумал завалить запасной тоннель... Если бы не это, Хосе...

— Перестаньте! Замолчите оба! — Юлия встала между мужчинами.

— Педро! Спаси меня! — Маленькая фигурка застыла на каменном столбе.

Педро в отчаянии воздел руки:

— Да придумайте же что-нибудь... Я не могу этого видеть...

«Жук»-землерой полз медленно, но расстояние до скалы заметно сократилось. Сейчас было абсолютно ясно, что со скалой он не разминется.

— Электролет! — закричала Юлия. — Надо втащить сюда электролет!

— Я сейчас! Я мигом, Хосе! Мы спасем тебя! — Последние слова Педро кричал уже из тамбура.

Оставшись вчетвером, они принялись, как могли, ободрять Хосе. «Жук» неумолимо приближался к скале.

Эркин осмотрел зал и площадку, на которой они стояли, всю шахту. Площадка была достаточно просторной, но для того, чтобы взлететь с нее, требовалось незаурядное мастерство — свод пещеры нависал в этом месте низко.

— Юлия! — велел Эркин. — Ты говори с Хосе, а мы с ребятами пойдем наверх. Надо втащить электролет.

Электролет был легкий, одноместный, но им пришлось изрядно помучиться, прежде чем они втащили его в шахту. Шасси оказалось шире, чем вход в тамбур. Педро взял большой камень и

в секунду перебил ось шасси.

Наконец электролет установили у самого края площадки. Педро так стремительно запрыгнул в него, что корпус машины прогнулся.

— А ну, вылезай! — скомандовала Юлия.

— Отойди! — зарычал Педро.

— Я наполовину легче тебя. Немедленно вылезай!

Педро понял ее правоту и нехотя подчинился.

Девушка села на сиденье. Дрогнул винт.

А «жук»-землерой уже приблизился вплотную к каменному столбу и принялся грызть его, отбрасывая по обе стороны своего корпуса мельчайшую пыль.

Юлия сделала то, о чем подумал Эркин, но на что вряд ли отважился бы сам. Она бросила электролет с обрыва вниз. Метров десять тот падал камнем, затем выровнялся, поднялся. Подлетев к колонне, Юлия посадила машину на вершину.

— Ух, — выдохнул Педро. Ноги его не держали. Он сел.

«Жук»-землерой исправно осуществлял возложенную на него команду, он уже на четверть вгрызся в столб.

— Ну, что они там тянут! — нервничал Фархад.

— Взлетайте же! — Педро вновь вскочил на ноги.

— Эй! Что случилось? — спросил Эркин.

Послышался взволнованный голос Юлии:

— Вдвоем взлететь не сможем. Не хватает мощности двигателя.

Стало тихо. Лишь в дальнем конце шахты ухали, жужжали, визжали автоматы.

— Я так и знал! — закричал Эркин. — Нельзя ли сесть на галерею?

— Нет. Слишком узко.

— Юля! Юлечка! Взлети, ну, пожалуйста! — умолял Фархад.

— К черту, все к черту! — заорал Педро. — Юля, давай сюда электролет! Я останусь на этом дьявольском столбе...

— Перестань! — Эркин крепко сжал ему локоть. — Лучше принеси из дежурки тросик.

В глазах Педро появилось осмысленное выражение.

— Бегу!

Электролет вновь взлетел. Но если подняться с площадки Юлии еще удалось, то приземлиться она так и не сумела.

Появился Педро с тросиком, крикнул девушке:

— Постарайся поймать конец троса! Иного выхода у нас нет!

— Скала качается! — закричал Хосе. — Она сейчас упадет!

Наконец-то Юлии удалось поймать конец троса. Одним быстрым движением она завязала узел на раме машины и вновь полетела к столбу.

И тут все увидели, что каменный столб начал клониться.

— Хватайся за трос! Скорее! — крикнула Юлия, подлетая к Хосе. И к коллегам: — Держите крепче свой конец.

Колонна рухнула. Она треснула пополам от основания до верхушки, переломилась в нескольких местах и гулко ударилась о дно шахты.

Хосе висел на тросике, ухватившись за него обеими руками. Педро отвернулся — он не мог видеть этого.

Электролет, испытывая дополнительную нагрузку, неподвижно висел в пространстве. Видимо, Юлии стоило больших трудов удерживать его в таком положении.

— Хосе, двигайся по тросику! — кричали ему космонавты.

— Не могу, нет сил.

— Хосе, кончается заряд аккумуляторов. У нас осталось совсем мало времени, — голос Юлии дрожал.

— Нет, нет, Юлечка. Я тебя не подведу. Я попробую. — Хосе медленно двинулся к площадке.

Казалось, прошла вечность, прежде чем он очутился в объятиях Педро.

Теперь Юлия смогла чуть поднять электролет. Тросик висел по дуге сверху вниз. Юлия привстала в кабине, обхватила тросик руками и ногами и, скользя по нему, быстро съехала вниз.

— Юля! Юлечка! — Фархад подхватил ее на руки.

Электролет хлопнул лопастями еще несколько раз и камнем рухнул на дно шахты, на обломки каменного столба.

Молча вышли люди на поверхность планеты, молча сняли скафандры.

— Простите меня, — тихо сказал Хосе. — Простите, если можете.

— У виновных нет права прощать, — тихо ответил Фархад.